

может быть, во втором случае Востоков хотел прежде всего указать на беспорядочное расположение ударений в сербском стихе, странное для слуха, привыкшего к стопам; но, конечно, оба эти предположения разъясняют лишь немного. Вопрос о том, в какой мере реальное расположение ударений в сербском стихе влияло на расположение ударений в стихе Востокова (и в стихе пушкинских «Песен западных славян»), остается открытым. Вопрос этот, впервые поставленный, как известно, Ф. Е. Коршем,¹¹ обещает быть очень интересен для исследователей сравнительной славянской метрики.

Йосип Бадалич

„ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН“ В ПЕРЕВОДАХ ЛИТЕРАТУР ЮГОСЛАВСКИХ НАРОДОВ

1

Как известно, система ударений русского языка отличается от системы ударений других славянских языков, в том числе хорватско-сербского. Достаточно напомнить общее правило акцентуации в хорватско-сербском языке — перенос ударения в многосложных словах подальше от конца слова. Таким образом, все многосложные слова в хорватско-сербском языке становятся автоматически либо парокситонами, если они двусложные (*gláva*), либо пропарокситонами, если они трехсложные (*kóljeno*). У последних, однако, немало отступлений с ударениями на среднем слоге (*slobóda*). Окситонами, пригодными для мужской рифмы, как двух-, так и трехсложные слова быть не могут. Наоборот, русские многосложные слова, например трехсложные, могут быть, как известно, окситонами (*голова́*), парокситонами (*наде́жда*) и пропарокситонами (*ро́дина*), увеличивая таким образом своим акцентологическим богатством более дифференцированную возможность рифмования, в частности по отношению к окситонической (мужской) рифме, которая в хорватско-сербском языке ограничена, как уже сказано, исключительно односложными словами (*nos, glas*). Тут-то и кроются значительные формальные затруднения для хорватско-сербских переводчиков при передаче русских мужских рифм в многосложных словах (*голова*), так что хорватско-сербские переводчики русских стихов с мужскими рифмами пользуются дактилическими. В противовес этому русские переводчики хорватско-серб-

¹¹ Ф. Е. Корш. О русском народном стихосложении. СПб., 1901, стр. 32, прим. 25. (Сборник ОРЯС, т. 67, № 8).

ского трохеического стиха (с женской рифмой) с успехом пользуются мужской:

— ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪
 — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪

Polnoć prodje — još pokriva
 Mir preblagi dol i goru,
 Ali lagan vjetrić sapće
 Od istoka k sinjem moru,
 Šapće slatko iz tihana:
 Zora puca bit će danal! ¹

Полночь минула — покойны
 Доли, горы и поток;
 Но уж шепчет с синим морем
 Предрассветный ветерок.
 Шепчет, тихо говоря:
 «Скоро день — уже заря!» ²

Таким образом, огромная часть многосложных лексем в хорватско-сербском языке — как и в чешском и словацком языках — не пригодна для употребления в начале стиха в самом распространенном в русской поэзии стихе ямбического метра. Основной ритм хорватско-сербского языка (в литературном штокавском говоре) не ямбический, а трохеический. Поэтому-то трохеический метр и считается в поэтическом творчестве хорватско-сербской версификации самым подходящим метром.

Я постараюсь наглядно объяснить высказанные здесь соображения на конкретных примерах хорватско-сербских переводов «Евгения Онегина» А. Пушкина, а затем русских переводов литературных и народно-поэтических произведений.

2

Начну с трех хорватских переводов «Евгения Онегина»: первый хорватский перевод осуществил больше ста лет тому назад известный переводчик того времени Шпиро Димитрович Котаранин (1813—1868).³ Перевод его остался и спустя сто лет вполне четким, так как сделан чистым поэтическим языком. Однако на желательной высоте он не был и в период своего опубликования, ибо переводчику пришлось волей-неволей отказаться от отличительных формальных достоинств подлинника — пушкинского ямбического стиха и онегинской строфы. Перевод в ямбах на хорватском языке оказался для Шпиро Димитровича Котаранина — превосходного знатока хорватского языка — непосильным, и он, хорошо переведший многочисленные английские, немецкие и французские драматические произведения (для Хорватского народного театра в Загребе), решил удовлетворить потребности своей среды

¹ Preradović, Petar. Djela. Knj. 1, str. 93, Zagreb, 1918.

² Прерадовиц, П. Заря. Перев. М. Петровского. Поэзия славян. Ред. Н. В. Гербель. СПб., 1871, стр. 275.

³ Puškin Aleksandar. Eugenio Onjegin. Preveo iz ruskog Spiro Dimitrović (Kotaranin). Zagreb, Matica hrvatska, 1860.

тем, что перевел «Евгения Онегина» десятисложным стихом хорватско-сербской народной поэзии, так называемым десятерцем:

—○—○—○—○—○—○—○—○—
Moj stric dobri po milosti božjoj,
Kadno se je razbolio bolom,
Čuvati je naumio sebe,
Boljeg nije izmisliti mogo.
Njegov primjer nauka je drugim:
Ali Bože golema je muka
Bolesnikom i dan i noć sjedit
Nit koraka ne smjeti se maknut!
Kako podlo kovarstvo je kleto
Poluživa morat zabavljati,
I uzglavje njemu namješćati,
Nemilo mu donosit ljekarstvo,
Uzdisati, misliti u sebi:
«Kad vragovi odnijet će tebe».⁴

Стих и стиль перевода, восходящие к народному эпосу, превратили пушкинский роман, написанный рифмованными ямбами, так сказать, в эпическое произведение. Поэтому-то, по-видимому, первый хорватский (и югославский!) перевод «Онегина» считали свободным «перепевом». Неудивительно, что выдающийся хорватский поэт того времени Петр Прерадович в переводе Димитровича напрасно искал, как он высказался, гений Пушкина.

Таким образом, становится понятным, что следующий хорватский переводчик того же романа в стихах Иван Трнский (1819—1910), плодовитый хорватский лирик второй половины XIX столетия, надеялся на большую переводческую удачу, перевода «Онегина» восьмисложным рифмованным трохеическим стихом (онегинская строфа с исключительно женскими рифмами):

Stric mi bio pošten čovjek, Kad ga smota sila bolje, Navro biti pažen doviek, Što da bolan čini bolje? Primjerom je. Drugi slijede. Ali, Bože, teške bijede: Danju, noću uza nj'bdjeti,	Ostavit ga nije smjeti, Pretvarat se valja vrlo, Stara groba razgovarat, Za log mu se mekan starat, Lijek u suho lit mu grlo, A uzdahnut rad bi pravo: «Kada će te odnijet djavo?» ⁵
---	---

Однако и Трнскому, хорошему лирику своего времени, не удалось в его более или менее монотонных трохеях с исключительно женскими рифмами целиком передать изящество и дух онегинского стиха, богатство ритма и рифмы. Итак, хорватская читающая публика все еще ждала адекватного перевода гениальной «энциклопедии русской жизни».

⁴ Ibid., стр. 5.

⁵ Puškin Aleksander S. Evgenij Onjegin. Roman u stihovih. Preveo i vjekopisom popratio Ivan Trnski. Zagreb, 1881. (Zabavna knjižnica Matice hrvatske, sv. XLVIII—L) — 8° XXXII 176.

Лет семьдесят спустя третий хорватский переводчик попробовал использовать положительный опыт, вытекавший из попыток своих двух земляков-предшественников: это был современный хорватский поэт Томислав Прпич (1898), который перевел «Евгения Онегина» ямбическим стихом и строфой подлинника. Попытка третьего переводчика, поэта Прпича, сохранившего полностью формальную фактуру романа (ямбический метр, стих, рифму, строфу подлинника), оказалась положительной переводческой новинкой хорватской переводной литературы. Однако и она, как и предшествующие, была обременена «наследственным грехом», коренящимся в различной структуре системы ударений в русском и хорватско-сербском языках: как ямбический размер, так и мужские рифмы оказались местами в переводе Прпича явственно натянутыми, а тем самым и отрицательными по отношению к поэтической монолитности и четкости переводного стиха. Как в версификации, так и в поэтическом содержании переводчику не всегда удавалось избежать недочетов, как это заметно уже в первой строфе романа:

○ — ○ — ○ — ○ — ○
 ○ — ○ — ○ — ○ —

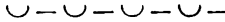
Moj stric je biće časno, strogo.
 Kad stiže bolest (gle ti nje!)
 Učinio je što je mogo:
 Zaslužio je štovanje.
 Iz primjera tog svi nek učel...
 No, Bože moj, što ljude mučel!
 Dan i noć sjedi tamo, joj,

Pri postelji bolesničkoj!
 Gadarija je sve u svemu
 Da poluživa zabavljaš!
 I jastuk da mu popravljaš!
 I lijekove da pružaš njemu
 Sve uzdišući, jasna strar:
 Ah, djavo da te nosi bar!⁶

Мужские рифмы второго и четвертого (gle ti nje! — štovanje), седьмого и восьмого стихов (joj — bolesničkoj), как и «дактилизированные» в десятом и одиннадцатом стихах, — явственно натянуты и лишены музыкального содержания (zabavljaš — popravljaš). Виноват в том и других таких случаях не поэт и переводчик Прпич, виновато, как сказано раньше, различие систем ударений в родственных языках.

Первый сербский перевод «Евгения Онегина» был сделан известным сербским переводчиком русской лирической поэзии Ристо Й. Одавичем (1870—1933). Его переводческий опыт, а, должно быть, и пример хорватского переводчика И. Тринского, внушили ему тот же метод перевода, а именно югославский вариант онегинской строфы: восьмистопный трохейческий стих с исключительно женскими рифмами. Перевод Одавича четок и поэтичен, духом и манерой ближе «разговорному языку» подлинника.

⁶ Ibid., str. 1—7. Puškin A. S.: Evgenij Onjegin. Roman u stihovima. S ruskoga prev. Tomislav Prpić. Zagreb., «Zora», 1955. Nov. izd. «Matica hrvatska» i «Zora», 1965.

Чика ми је старог реда:
Разболев се збила много
Послух тражи, заповеда —
Боле смислит није мого.
Његов пример друге учи!
Ал' досадност како мучи
С бони бити дневи, ноци,

Ни корака никуд моћи.
Лукавство је ниско, ружно
Послужива забављати,
Поглавник му поправљати,
Додавати лек му тужно,
Док уздахе жеља коси:
Кадћедјаво да те носи!⁷

Новейшим и лучшим переносом «Онегина» на сербский язык является «перепев» современного сербского переводчика Милорада Павича. Первую часть романа Павич перевел в стиле подлинника, ямбическим метром и онегинской строфой, с исключением, однако, как у Трнскогo и Одавича, мужских рифм. Во второй части своего «перпева» он практиковал и мужские рифмы. Поэтому переводной стих Павича ближе всех более ранних хорваткосербских переводов, формально и по существу, к «разговорному языку» подлинника, и не случайно он сделан сербским школьным изданием («Школска библиотека», т. 55).

Еще ближе и вернее поэтическому слову и духу подлинника словенские переводы «Онегина» по причине упомянутых уже преимуществ словенской акцентологической системы. Эластичная флексибильность словенского ударения, в значительной степени родственная русской, облегчает употребление ямбического метра и мужских рифм. Так объясним и удачный первый словенский перевод Ивана Приятеля (1875—1937):

Moj stric, poštena korenina
naenkrat resno oboli,
v bolesni hoče da mladina
postreže mu in ga časti;
to vsem umevno je in jasno;
a Boga mi, kak golgočasno
z bolnikom čuti noč in dan,

za ped se ne geniti stran!
Hinaščina je to nemila
polmrtvega zabavati,
blazine mu zrahljavati,
dajati žalosno zdravila
in vzdihati, misleč hip vsak:
kdaj neki vzame te že vrag!⁸

Таким же успехом и по тем же причинам акцентологических преимуществ системы ударений словенского языка пользуются и новейшие, современные словенские переводы «Онегина», выпущенные в роскошных изданиях, а именно переводы Радо Бордона⁹ и Миле Клопчича.¹⁰ Последний может, по-моему, претендовать как

⁷ Пушкин, А. С. Евгений Онегин. Београд, 1893; 2 изд. Београд—Загреб, 1924.

⁸ Puškin, Aleksander S. Jevgenij Onjegin. Roman v verzih. Ljubljana, 1909. (Prevodi iz svetovne književnosti. Izd. Matica slovenska, zv. VI).

⁹ Puškin, A. S.: Evgenij Onjegin. Poslovenil Rado Bordon. Ilustriral in opremil Jože Ciuha. Ljubljana, 1962. 4° 549.

¹⁰ Puškin, A. S. Jevgenij Onjegin. Roman v verzih. Prevedel Mile Klopčič. Ljubljana, Drž. založba Slovenije, 1967. 4° 326. Ilustr. N. V. Kuzmin.

лучший югославский поэтический перевод на переводческую адекватность:

Moj stric, pošten od nog do glave,
na lepem resno oboli,
pa muhast hoče strežbe prave —
boljini zadel vse žive dni.
Tak zgled seveda drugim sveti.
A kakšna zguba, presedeti
ves čas k bolniku prikovan

in streči starčku noč in dan.
Kakšno hinavsko opravilo:
napol mrtvaku se smehljaj,
blazine potne mu rahljaj,
otožen mu dajaj zdravilo,
vzdihuj, ko misliš hip si vsak:
Kdaj vendar te že vzame vrag?
Klopčič, str. 17

8

Предложенная картина практического применения ямбических и трохеических метров, какой она нам представляется при рассмотрении конкретных переводов в югославских литературах «Евгения Онегина» А. Пушкина, указывает в своей совокупности на определенную закономерность воздействия поэтической инфраструктуры на творческую супраструктуру: более развитая, более гибкая акцентологическая система как языковая инфраструктура содействует более дифференцированному, более совершенному поэтическому воплощению, включая сюда и переводческое творчество.

Однако тут надо оговориться: если подлинник построен на основе далеких языку перевода формальных средствах поэтического выражения (метр, рифма, ритм), то переводчик вряд ли обязан рабски пользоваться чуждыми ему инструментами художественного выражения.

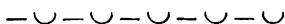
Хорваты и сербы, как известно, пользовались и пользуются все еще преимущественно трохеическим метром, вследствие чего понятны, между прочим, и их старания перевести тем же близким им трохеическим метром и «Евгения Онегина» А. Пушкина (переводы Димитровича, Тринского, Одавича). Этот факт органической связи хорватского поэтического творчества прекрасно учитывал уже А. Пушкин, творя и переводя «Песни западных славян». Великий мастер ямба переводит известную югославскую народную песню трохеическим десятерцем:

— ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡₂ ◡₃
Два дубочка вырастали рядом,
Между ними тонковерхая елка;
Не два дуба рядом вырастали,
Жили вместе два братца родные:
Один Павел, а другой Радула,
А меж ними сестра их Елица.¹¹

И современные советские переводчики удачно пользуются трохеическим десятерцем, особенно в переводах хорватско-серб-

¹¹ Сестра и братья. Перевод А. Пушкина. А. Пушкин, Песни западных славян, Сочинения, т. IV, СПб., 1838, стр. 180.

ского народного творчества. Доказательством этого может послужить, между прочим, перевод знаменитой баллады «Хасанагиница» известной поэтессы Анной Ахматовой:

Что белеет средь зеленой чащи?
Снег ли это, лебедей ли стая?
Был бы снег, давно бы он растаял,
Лебеди бы в небо улетели;
Нет, не снег и не лебяжья стая;
Там Хасан-ага лежит в палатке.¹²

И не только в героическом и балладном эпосе югославского народного творчества, а также в эротическо-юмористическом жанре хорватской народной песни нерифмованный трохеический десятерец дышит в адекватном переносе современного советского поэта-переводчика поэтической непосредственностью подлинника:

Как-то парень с девушкой поспорил,
Что вдвоем они переночуют
Без объятий и без поцелуев.
Он тогда коня в заклад поставил,
А она монисто золотое.
Вот когда настала ночью полночь,
Говорит тихонько парню девка:
«Повернись, перевернись разочек!
Что лежишь, как истукан, на сене?
Иль тебе коня, быть может, жалко?
Мне не жаль мониста золотого».¹³

Имея в виду такую важную роль трохеического метра в русском и югославском поэтическом творчестве, можно понять сравнительно удачные попытки Тринского и Давича перенести ямбический стих «Евгения Онегина» на хорваткосербский язык трохеическим стихом. Более того, хочется верить, что будущий окончательный хорваткосербский перевод «Евгения Онегина» А. Пушкина будет осуществлен — в соответствии с акцентологической системой хорваткосербского языка — трохеическим метром.

¹² Хасанагиница. Перевод Анны Ахматовой. (Эпос сербского народа. Издание подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов. Редактор В. В. Виноградов. М., 1963, стр. 180).

¹³ Югославские народные песни. Перевод П. Эрастова. М., 1956. [Подлинник: *Zenske pjesme hrvatske*. Urednik Nikola Andrić. Zagreb, Matica hrvatska. (Odio II, sv. 2, str. 42)].

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПОЭТИКА
И СТИЛИСТИКА
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА
ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА
ВИНОГРАДОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД 1971